

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Яны Алексеевой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

УЧЕНЫЕ — СВЕТ...
ТАНЦУЮТ ВСЕ!

ПРИНЦЕССЫ ОГНЕННОГО МИРА
СЕСТРА РОКА
НЕКРОМАНТЫ, АЛХИМИКИ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ
ОХОТЯЩИЕСЯ В НОЧИ
ОКОВЫ РАВНОВЕСИЯ

Яна АЛЕКСЕЕВА

ОКОВЫ РАВНОВЕСИЯ

Роман

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А47

Серия основана в 2004 году
Выпуск 613

Художник
Л. Клепакова

Алексеева Я.

А47 Оковы Равновесия: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 311 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2240-1

Мир — бесконечное множество. И бесконечен круг Равновесия, на котором балансируют они. И тот мир, который не удержится сам, будет готов рухнуть, погибнуть во вспышке Света или задохнуться в сумраке Тьмы, приходится спасать. Пройдя водоворот жизни и смерти, в мир являются посланники Равновесия, связанные оковами долга и чести. Но что значит Долг перед желанием жить... даже если ради жизни надо отдать всю силу до капли?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Яна Алексеева, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2240-1

ПРОЛОГ

Недалекое прошлое

Признаю честно, я виновата перед Вами. Я подлая, жестокая, мерзкая и циничная обманщица, с Вашей, вполне обоснованной ситуацией, точки зрения. Подозреваю, что Вы наверняка найдете куда больше красочных эпитетов для обозначения совершенного мной.

Признаю, я использовала мгновения Вашей благосклонности, чтобы добраться до ключей, карт, архивов и arsenalов.

Но не обвиняйте меня в лицемерии. В том, что Ваше общество доставило мне несказанное удовольствие, я признаюсь откровенно и честно, и, уверяю, это правда. Верьте хотя бы в это!

Как странно считать искренность чувств, возникших между двумя врагами, единственным утешением.

Как странно убеждать Вас в своей честности, предавая.

Как странно надеяться, что Ваши чувства были искренни и я не зря трачу последние мгновения перед бегством не на заметание следов, а на прощальное письмо.

И я не прошу прощения, ибо для меня его не существует.

Вы не хуже меня знаете, что, когда речь заходит о выживании вида, всем остальным пренебрегают. Мелочами — жизнью, честью, именем, чувствами... Можно обманывать, предавать, убивать... Так все начиналось, но потом, позже, все изменилось. И стало только тяжелее.

Мы такие разные, да, но как же в решениях похожи.

Для нас обоих есть только долг.

Бесконечно тяжелый долг перед расой, который ведет нас в разные стороны, когда душа просит совсем иного. Мига близости, капли безоблачного счастья. Доверия. Но сколько жизней можно отдать за несколько дней покоя? Чужих жизней, за которые отвечаешь.

Ваша благосклонность, моя благодарность — все прах и тлен перед предназначением и долгом.

Для меня все еще сложнее. Мой долг — не перед расой, не только перед сеани, он — перед самим миром. Перед мирозданием, перед магией и самой стихией.

Долг, призвавший меня, сильнее самых ярких чувств. И разумом я прекрасно это понимаю, потому, содрогаясь от ненависти к самой себе, совершаю то, что совершаю.

Как говорили великие древние, что жили не здесь: «Делай что должно, дабы случилось что суждено». Нам не суждено быть рядом среди войны. Нам суждено стать врагами.

Что бы Вы ни сделали теперь, руководствуясь уже своим долгом, понятиями чести, присягой и клятвами, пускай мне говорили, что у дэрхани чести нет, даже ненавистью, на которую Вы имеете полное право, я приму это. Когда настанет мой черед расплачиваться, клянусь, смиренно приму свою участь. Хотя не раньше, чем исполню свой долг.

Я — виновата!

Но противиться бросившей меня в неизвестность силе я не могла.

И нет, я не оправдываюсь, я просто хочу рассказать, хотя бы Вам. Тяжко не иметь возможности поговорить о том, что произошло со мной, о цепях, что тянут куда-то, заставляют делать что-то, но Оковы словно наложили печать запрета на разговоры о происходящем. А вот так, в письме... можно.

Я потеряла много, почти все. От прошлой жизни остались только смутные картинки, ощущения, обрывки разговоров.

Но мой родной мир другой, и он мне более недоступен. Ведь в нем я, кажется, умерла.

Помню...

Высокие дома, выстроившиеся рядами, как на параде, густо-серое небо, расцвеченное лучами прожекторов, узкие полосы зелени. Сотни машин, несущихся по дорогам, ручьями растекающиеся по многоярусным развилкам.

Чьи-то теплые ласковые руки, мелодичные голоса. Колобелльная, нежно журчащая в сознании. Строгое, но гордое лицо отца, мягкая улыбка матери.

Музыка, круговорот движения, вечно неспящая страна занятых одиноких людей.

Долгая-долгая жизнь. Под конец — глупость, но спасшая пару жизней тем, кто, кажется, может устроить встряску целому миру. Информация — это власть... Ценой моей жизни оказались три флеш-диска.

Помню.

Стремительное бегство сквозь ночной город. Хриплое дыхание вырывается белым туманным облачком. Оглушительный стук крови в висках. Топот преследователей. Загонщиков.

Неудачно свернула, как им кажется. Тупик. Подъезд.

Вверх по лестнице. Смутные зловещие тени, окружающие жертву на крыше. Отчаянная злость. Безумная усмешка, контакт под пяткой замкнут... На лицах преследователей — недоумение. И огненный шар взрыва выбрасывает меня во тьму. Долгое падение. Плеск воды, безжалостной холодной толщей смыкающейся над головой. Темнота, боль, разрывающая легкие. Лед.

Все.

Но оказалось — нет.

Нигде, никогда... темнота. Тела нет, только разум в странном, пустом пространстве, где есть лишь безостановочно вращающееся колесо, переливающееся всеми оттенками тьмы. И страх. Потому что сознание, сохранившее себя, медленно размывалось, сохраняя чувства. Ощущать, как исчезает часть себя, больно...

Неожиданно все изменилось.

Властный голос, наполнивший модуляциями мою душу, предлагающий необычный выбор. Или вечное забвение,

или служба Равновесию, череда новых жизней и смертей во имя непонятого долга... Сила, власть и знание, бесконечный путь, круговорот мироздания, непрерывная череда спасенных миров.

Торопливое, необдуманное согласие.

Золотые змеи смыкаются вокруг запястий браслетами. Это Оковы Равновесия. Клыки, полные яда, впиваются в вены, наполняя их силой. Круг вращается все быстрее и быстрее — и вышвыривает в иной мир.

И, без передышки, снова боль, снова бой!

Та самая битва, поворотный момент войны. Тот горный город, где были похоронены последние зачинщики конфликта и предатели, уничтожившие Высший совет дэрхани, и началось избиение беззащитных и невиновных. Но дэрхани никогда не умели прощать, не так ли?

Бесконечное отступление, марш-броски на выносливость, ловушки для наступающих сил, эвакуация мирного населения.

Все это Вам знакомо? Разумеется, но я не солдат и никогда им не была. Просто мирный житель, на которого неожиданно свалилось знание. Знание, как поступить правильно, как спасти больше сеани, кем можно пожертвовать, чтобы не рухнул мир. Кто еще сможет ценой жизни задержать авангард, чтобы я успела отправить следующую сотню детей порталом в неизвестность.

Кровавый водоворот и беспрестанное напряжение. Да, знание было, сила помогала держаться, не срываясь в истерику, но... это война.

Все, что я делала, — просто минимизировала потери. Хотя многим казалось, что совершала невозможное.

Стрекот выстрелов, алые бутоны разрывов.

Кровь, смерть и ненависть... Обоюдная.

Потом было еще одно закономерно проигранное, ведь воинская каста давно выбита, сражение. Неразбериха беспорядочного отступления.

Плен. Я даже обрадовалась, быстро затерявшись в перепуганной толпе. Никакой больше ответственности. Все

кончено. Может, теперь я отдохну? Но нет, Оковы все еще жили, полные силы, и принуждали к действиям.

Помните?

Сбившиеся в толпу беззащитные сеани, жмущиеся под дулами пулеметов. Тусклые глаза и опущенные плечи. Безнадежность.

Это момент нашей первой личной встречи. Эрдаэли Риш... Мы знали друг друга по повадкам наших подчиненных, по линиям на тактических картах, по сотням атак, отступлений и ловушек. Но лицом к лицу не встречались никогда.

Помните, как медленно, словно сытый тигр, Вы прохаживались вдоль ряда пленников? За торжество во взгляде и хищную довольную усмешку не имею права обвинять. Но это было страшно. Я же знала, кого Вы ищете... того, кто лишил Вас законной добычи, окончательного отмщения, кровавой тризны по роду и семье.

И в то же время приветствовала бы смерть, потому что устала. И пожалуй, спровоцировала бы Вас, но... Оковы!

Никто меня не узнал.

Остановившись, словно почуяв не видимый никому, кроме меня, золотистый свет силы, Вы пристально вгляделись в мое лицо. Сердце зашлось в бешеном ритме, колени ослабели... Мгновенное осознание оглушающей волной смыло все преграды.

Импринтинг. Та самая сказочная связь между душами сеани и дэрхани, основа этого мира. Да, она существует. Да, это именно то, из-за чего вообще начался разлад. Да, именно она соединила нас. Да, я не из этого мира, но воплощена волей Равновесия совсем как сеани.

Иногда многие знания лишь мешают. И причины конфликта (о да, кто сильнее?) кажутся смешными, если бы не были так страшны его последствия. Я скажу: «Поверьте мне». Нет в этой связи старших и младших, подчиняющихся и командующих, только равноправие и равновесие жизней, чувств, интересов. Нет и не должно быть принуждения.

Это — союз равных. Союз душ. Двух половинок, нашедших друг друга. Клянусь Вам в этом душой своей.

Именно поэтому не могу себя простить сама и не прошу прощения Вашего. Я смогла побороть связь... предать.

Но дальше.

Подземелье, маленькие тесные камеры. Почему мы еще живы? Неужели только из-за той встречи? Вы тогда тоже что-то почувствовали?

Несколько месяцев бесконечной, до ломоты в теле, работы. Резкие окрики стражи, сгоняющей нас по утрам в шахты. От ненависти, изливающейся в пространство, я просто задыхалась. Но долг, долг, долг... именно он выдернул меня из-под обвала вместе с полудюжиной шахтеров и парой охранников. Именно он заставил меня орать на главу смены, грозя ему, вот смешно, осколком гранита. Глупость, провокация, но...

Именно тогда Вы потребовали провести дополнительный опрос пленных и лично явились в форт отобрать наиболее интересных. Вы искали меня? Точнее, Рэлл Рин, последнего порталыщика сеани.

Отдали еще и меня — из штрафных казематов. Это судьба.

И результат... вспышка странной, стремительной, противоестественной, непреодолимой любви?

Между Вами, гордящимся самоконтролем, и мною, придавленной долгом? Между врагами.

Мы раз за разом сгорали от страсти на широком, покрытом мехом ложе. Тихий шепот, ласковые прикосновения, осторожные разговоры ни о чем. Ты и я. Вместе. Ненадолго. Миг счастья, обманом вырванный у судьбы.

Горечь и боль предстоящего предательства, робкие ростки надежды в глазах сородичей, когда я возвращалась в шахты.

И вот сегодня...

Двойник спит, свернувшись трогательным клубком, Вы спите тоже. Всего лишь сонный порошок из лазарета.

Сейчас, еще миг... один короткий поцелуй.

Потом я бесшумно проскользну в темноте мимо охранников. Они не заметят меня, скрытую золотистым пологом силы. От крытых галерей и жилых комнат до огромного хранилища две минуты стремительного бега. До казематов — две дюжины, до выхода из подземелий — полдня пути...

До последнего эвакуационного портала...

Прощайте.

Взгляд сверху

Бегущие люди один за другим появлялись из коридора и, проскочив пустое пространство, исчезали в сияющем круге. Кто-то тащил на руках детей, кто-то — тюки. Последними пятились, отступая, вооруженные, огрызаясь короткими очередями в сторону тоннеля.

Кажется, в миг, когда в бело-желтое сияние шагнул последний беглец, а из тоннеля выскочили преследователи, последовательно прогремели взрывы, сотрясая подземелья. Затрещал, рушась, потолок... И мир накрыла тьма.

Когда в пещере наконец затих грохот камнепада и стены прекратили дрожать и качаться, стало ясно, что в занавешенном сухой пылью зале остались только двое. Двое живых.

Мелкая гранитная крошка неохотно оседала на вымощенный гладкими ромбовидными плитами пол, на широкие ступени, ведущие к невысокому пьедесталу, где между двумя прямоугольными столбами угасало темно-желтое сияние. И укрывала тонким слоем бессильно распростершуюся рядом маленькую фигурку. В гнетущей тишине она слабо шевельнулась, медленно пытаясь подняться на ноги. Со стоном дотянувшись до одного из столбов, подтянулась ближе и, навалившись на шершавую поверхность, выпрямилась. Это была молодая женщина в черном мешковатом одеянии, немного напоминающем военную форму. Под пылью, да еще в почти полной темноте, невозможно было разглядеть детали. Только лихорадочно блестящие зеленые

глаза, будто светящиеся сами по себе на бледном лице, да общие признаки сильного истощения...

Печально усмехнувшись, женщина огляделась. Помахала рукой, разгоняя пыль. Смысла куда-то спешить и что-то делать не нашла, но, нашарив у столбов чудом уцелевший фонарь, щелкнула выключателем. Сработал на удивление. Слабый луч прорезал пещеру, обежал пол, ступени, стены и глыбы камней, завалившие единственный выход. Нервно дергающийся луч выхватил из темноты что-то непонятное. Похоже на полузасыпанное осколками тело.

Кивнув незримому собеседнику, женщина что-то прошептала, встряхнула руками и осторожно двинулась вниз по ступеням, ощутимо припадая на левую ногу.

У почти незаметной уже воронки угасающего портала осталась мелкая россыпь золотистых осколков, поблескивающих острыми гранями.

Когда зеленоглазая сеани добралась до завала, попавший под камнепад дэрхани очнулся. Он лежал на спине, почти по пояс засыпанный камнями, и тяжело дышал, пытаясь очистить сознание от боли. Присев, почти упав рядом, женщина осторожным и каким-то очень нежным движением убрала с его лба спутанные волосы, пробежала пальцами по лицу. Неразборчиво прошепел что-то нецензурное, мужчина открыл глаза. В них блеснули узнавание и... ненависть.

— Смешно, — проговорила, прокашлявшись, та, которую он числил во врагах. — Все-таки мы встретились. Полагаю, настало время решить наконец наши разногласия...

Взметнувшись, затянута в перчатку рука резко перехватила пальцы, порхающие над грудью, сжала до боли, выворачивая.

— Ты! — процедил сквозь зубы дэрхани, со злостью отталкивая женщину прямо на завал.

Даже теперь в его руках было достаточно силы, хотя от боли перед глазами плавали разноцветные круги и сводило горло. Воздух приходилось буквально проталкивать в легкие.

Сеани ударилась спиной о насыпь и, слабо охнув, выронила фонарик. Тот жалобно звякнул и потух. С трудом поднявшись, подползла ближе, свернулась клубком, легла рядом, лицом к лицу. Нашарила и снова зажгла свет, который стал, кажется, еще тусклее. И не стала отшатываться от вновь взметнувшейся руки.

Проговорила, потирая щеку:

— Признаю, заслужила.

И некоторое время, борясь с подступающей слабостью, наблюдала за пляской теней на камнях, за собственными дрожащими руками и за мужчиной, похоже, собирающимся предпринять попытку выбраться из-под завала. Помощь не предлагала, потому что сил просто не было, кроме того... Это же эрдаэли Риш, от врага и предателя он ничего не примет. И он явно испытывал сильную боль, но сдаваться не собирался. Он вообще никогда не сдавался, и его присутствие здесь — тому доказательство.

— Не стоит так... усердствовать, — все же прервала тяжелое, как камни свода, молчание женщина. — Дольше продержитесь. Правда, есть ли в этом смысл...

Дэрхани кинул на нее нечитаемый взгляд, затем, выдохнув, приподнялся на локтях, огляделся. На лице его не отразилось ни одной эмоции, раскосоглазые воины вообще бедны на мимику. Но что тут можно думать? Завал. Выхода нет. Помощи не будет, он сам вышвырнул из взорванного коридора подчиненных. Рэлл тоже одна, последняя... Рухнув на камни, дэрхани закашлялся, слизывая с губ кровь.

Фонарь мигнул и вновь погас. Это не самое страшное. Надо искать выход... хотя надо ли? Пальцы ощупывали пояс, лишившийся почему-то большей части того, что на нем было.

— Да, — в воцарившейся темноте голос женщины, лежащей рядом, неожиданно обрел силу и глубину, отдаваясь эхом в голове, — есть в этом какая-то высшая справедливость. Наши дороги вновь сошлись в одну и закончатся здесь одновременно. Хищник и жертва, пленница и страж,

предатель и преданный, беглянка и охотник. Связанные душами, в иное время, возможно, ставшие бы семьей... Враги. Смешно!

Голос сеани был спокоен, но немного грустен, едва слышно звучала тоска. И ей не хватило сил добавить еще пару слов. Возлюбленные. Воины.

Женщина потянулась, вытащила из-за голенища тонкий стилет:

— Вам помочь уйти достойно?

Да, солдаты. Лишенные сентиментальных привязанностей все же порой готовы оказать друг другу услугу... И забота принимает в их руках странные формы...

Забыв, что люди не видят в темноте, дэрхани бросил на собеседницу выразительный взгляд.

— И не пытайся, сеани, — добавил он. — Не мешай.

— Подчиняюсь, — привычно бросила она, замолкая.

Но тишина вскоре была нарушена мужчиной, перебирающим варианты:

— У тебя есть сила! Ты можешь уйти! — Главное, начать разговор.

— Нет.

— Что? Почему?

— Силы нет, да и куда я пойду?

— Куда угодно, портал рядом! И разве то, чему ты служишь, не беспокоится о своем верном сосуде? — зло и чуть издевательски спросил он, поворачивая голову и в упор рассматривая светящееся в темноте лицо собеседницы.

Та только хрипло рассмеялась:

— Сосуд пуст! Я выполнила все, что от меня требовалось, и сила оставила меня, для меня отсюда есть лишь один путь. На ту сторону жизни. Битые стаканы не эвакуируют. Их отливают заново. — Женщина начала раздражаться и оживать, проговаривая вслух то, что повторяла мысленно раз за разом.

— Ну договаривай, колдунья!

— Я же не родилась обладательницей силы, как ваши родичи, я получила ее взаймы, имея право использовать только для... — Она примолкла.

— Продолжай, какие секреты могут быть между нами... Да и читал я твое письмо, — устало выдохнул дэрхани.

— ...для поддержки Равновесия, — завершила фразу женщина. — И только то, что я творила во исполнение этих повелений, возможно было наполнить силой. К тому же, вероятно, это сила использовала меня. Одно боевое предвидение чего стоило...

Нет, она не будет плакать. Скорее злиться, что все сложилось именно так. Война быстро вытравливает из душ нежность, а стенать, вздыхать и рыдать не тянуло даже сейчас. У врат иного мира.

— И что дальше?

— Все закончилось, и этот мой путь завершен. Когда я умру, а это будет довольно скоро, я вновь вступлю в круг Равновесия, получу новое повеление и пойду новой дорогой. И каждая моя смерть означает лишь новое начало для мира, куда меня отправят... — нараспев произнесла женщина.

— Чтоб это Равновесие пошло в бездну!

— Не верите мне, эрдаэли? Смотрите! Я же знаю, вы все видите!

Она вытянула вперед руки, и на запястьях тускло блеснули толстые желтые браслеты в виде змеек, кусающих собственный хвост. Женщина встряхнула плечами, и змейки тонкими струйками стекли вниз, мешаясь с пылью.

— Я сделала что должно! Все сеани, что остались в живых, ушли отсюда. Я больше не нужна и могу спокойно уходить.

— Не нужна, — с суеверным ужасом повторил дэрхани.

Так спокойно вынести себе смертный приговор он бы не смог, хотя и... пытался однажды. После гибели семьи. Но слишком сильно хотело жить тело, и душа не пожелала уходить в круг перерождений. Даже сейчас, огромным уси-

лием воли блокируя дикую боль в ногах, разум напряженно пытался найти выход. Есть ли он? Хотя бы для нее. Связь душ не исчезла, она не поддавалась контролю, не поддавалась... А призывала заботиться о той, что наконец рядом.

Даже если она знает, что смерть — еще не конец, все равно умирать неприятно... Круг возрождений? Бесконечная череда смертей во имя абстрактной цели? Нет, лучше здоровый эгоизм, который требует, чтобы вот она, Рэлл Рин, была рядом. Всегда. Несмотря ни на что.

— Жестокий у тебя господин.

— Госпожа.

— Э?

— Равновесие — госпожа. Я не боюсь умирать, я боюсь боли. Признаться, это странно и немного постыдно. Но одного перехода через небытие, одной грани мне хватило для осознания — я слишком уж нежна душой... и очень рада, что сегодня это будет не больно. Ну, относительно. От потери крови...

Дэрхани молча слушал. Похоже, ей надо выговориться, пусть! Но вот уйти он ей не даст! Раз все закончено.

— Как, вы думаете, я поступила на службу к ней и попала сюда? Переход из мира в мир возможен только через круг Равновесия, а живых туда не допускают. Чтобы войти в другой мир, надо умереть и дать согласие на перенос сознания. Тело не способно к таким путешествиям, и полученная сила воссоздает его на месте. А там уж... как пойдет. Так тебе помочь уйти?

Рэлл Рин вновь нащупала стилет.

А дэрхани принял решение:

— Помочь, но не так, как ты рвешься мне услужить. Я-то не спешу на встречу со своим господином. — Его лицо исказила хищная гримаса, и, в очередной раз блокировав боль, он приподнялся и отобрал у женщины стилет. — Не переносу фаталистов, а уж теперь, когда твоя служба окончена, не торопись, Рэлл, в этот круг.

Глядя прямо ему в лицо, женщина покачала головой:

— Это непреложный факт. Я умру здесь. — Она опустила глаза, не выдержав пристального, внимательного взгляда дэрхани.

Мужчина выругался, сообразив, что за способ уйти избрала его сеани. И влажное пятно под рукой — не только его кровь. Она медленно сочилась из рваной раны на ее бедре, кое-как перетянутом насквозь промокшими бинтами.

— Идиотка! Рано сдалась! И не надейся уйти легко, я избираю твоим наказанием за предательство жизнь!

Сеани отстраненно улыбнулась. Риш Кеар, проговорив практически ритуальную фразу, нашарил чудом уцелевшую на ремне фляжку, аккуратно отвинтил крышку и, усилием воли вновь заставив себя подняться, влил в горло не способной сопротивляться женщины пару глотков горького напитка. Погладил шею. Конвульсивно сглотнув, Рэлл охнула от наполнившей нутро горечи. Ее глаза закатились, судорога волной прошла по мышцам.

И только теперь, шипя и кривясь от боли в раздробленных ногах, от которой не спасали никакие доступные блокировки, обессиленно рухнул на камни. «Нет, не сметь, — приказал он себе. — Не позволю каким-то глупым обстоятельствам похоронить себя заживо! И Рэлл тоже...»

— Даже если вы выберетесь из-под завала, никто не сможет вновь активировать портал. К тому же настройки на точку выхода окончательно сбились... — пробормотала женщина, выбираясь из обморока и стараясь, чтобы в ее голосе не звучала так явно разгорающаяся надежда.

— А сила... Ах да, я забыл, покинула тебя, ибо долг выполнен до конца, — хмыкнул дэрхани. — Работай давай!

— Что?

— Шшш, — зло выдохнул мужчина и, отвлекшись от боли, продолжил разговор: — А сила твоя какой природы... была?

— Не знаю... Но двери хранилища открыла мгновенно и иллюзии накладывала достоверные.

— Помню!

Женщина, мечтательно улыбаясь в ответ на его язвительный тон, привстала. С удивлением поняла, что боль проходит, а сил прибавляется, только мышцы ломит.

Работа очень напоминала ту, что пленные выполняли в шахтах. Перекладывать камни, отгребать крошку, аккуратно, чтобы не обрушить многотонный завал. Расчищать пространство. Рэлл освободила покалеченные ноги почти до колен. Ничего хорошего там не было, даже на ощупь... Хотя рухнувшая наискосок плита и не расплющила кости в кашу, подпертая осколком скалы, образовавшим узенький карман, многочисленных переломов дэрхани не избежал. Позвоночник, правда, уцелел... относительно удачно, если вообще можно применить это слово к нынешней ситуации.

Риш Кеар мрачно оценил свои шансы на успешную регенерацию как минимальные, к тому же чуть ли не половину имеющейся дозы регенерина пришлось влить в Рэлл. И задумываться над тем, как эликсир повлиял на метаболизм сеани, он не хотел.

Зато рана на ее бедре быстро затягивалась.

В мгновения отдыха они вели немного бессвязные разговоры.

— Я скопировала все планы и коды еще в первый день, — проговорила женщина, чувствуя во рту странную горечь. Очень хотелось пить.

— И что помешало вам всем уйти еще тогда? — спросил дэрхани, разглядывая раздробленные колени. Плохо. Очень плохо.

Рэлл сглотнула, облизала пересохшие губы и пожала плечами, переложив еще один камень:

— Вы, эрдаэли. Я не смогла сразу все оборвать. Слишком сильна оказалась эта связь, к тому же было так хорошо, что удалось ненадолго удержать в узде долг.

— Ты говоришь про долг как про что-то материальное. Он как-то проявлялся в реальности?

— Материальное... что-то вроде. Мы с ним словно в перетягивание каната играли. Оковы стискивали руки и дергали, дергали, дергали. Иногда жгли.

— Н-да... терпела ты долго. А потом приехал высший эрд, по моему же запросу, — медленно проговорил дэрхани. — Вместе с ищейками.

— Пришлось уходить, — кивнула сеани.

— А что там взорвалось?

— Растяжки.

— Да? — простонал-выдохнул дэрхани. Любопытство его когда-нибудь погубит... Если уже не погубило.

— Пара гранат в узких расщелинах с натянутой поперек проволокой. Заденете — выдернет чеку и...

— Просто, но эффективно положила два десятка ищеек разом. Только почему они не заметили?

— Оковы помогли, — хмыкнула Рэлл.

— Разумеется!

— Я вообще не воин и раньше о подобном только читала.

— Тем не менее ты отличный солдат. Даже, наверное, полководец неплохой.

— Комплимент? Не такие я когда-то хотела получать...

— Комплиментов не хотела, убивать не хотела, — под кивки женщины мерно выговорил Риш Кеар, — воровать не хотела, предавать не хотела, жить тоже не хотела? А отличным специалистом оказалась. — Вдох, выдох, приказ: — Тяни!

Женщина подхватила дэрхани под мышки и медленно, с усилием потянула, пытаясь вытащить из-под полуразобранного завала. Он помогал, упираясь руками.

На бледном лице выступила болезненная испарина, кровь — на закушенной губе. Полупридушенный сильный стон мог бы напугать кого-то более неподготовленного...

Едва сеани выволокла его из-под плиты, дэрхани закатил глаза и обмяк. Рэлл из последних сил оттащила его подальше от завала, осторожно положила на пол и, рухнув на

колени, отвинтила крышку у фляжки, торжественно врученной некоторое время назад.

— Не умирайте, не вздумайте, — горячо проговорила она, пытаясь на ощупь напоить эрдаэли остатками густой пряной жидкости. — Да, я, враг и предатель, требую — не умирайте! Раз заставили меня жить.

И замерла рядом, вслушиваясь в дыхание спутника, терпеливо ожидая в темноте и тишине, когда подействует регенерин...

— ...но, конечно, долг перед оставшимися в живых всегда сильнее, чем эгоистичное желание урвать кусочек счастья. Потому что когда призван Равновесием для сохранения мира, — ровным голосом рассказывала Рэлл, — придавливает грандиозность задачи. Все отступает перед отчаянием в глазах детей. Горечь собственного предательства можно пережить, воспоминания о прошлом ночью способны согреть и прибавить сил. Душа моя... цела. Хотя и трещала по швам. Я, увы, не каменная спокойно смотреть, как в глазах тех, кто встречал меня в казематах, робкая надежда угасала с каждым днем, когда я вновь и вновь отрицательно качала головой. «Не сегодня», — говорила я. Впрочем, кому я это рассказываю? Эрдаэли Риш! Сколько вы отдали этой войне, мести, смерти...

Женщина нащупала его руку и сжала, согревая прикосновением. Коснулась шеи, отсчитывая пульс.

Бесконечно долгий и мучительный путь до ступеней, ведущих к portalу...

Рэлл Рин уже давно потеряла счет времени. Голова кружилась, губы потрескались от жажды, живот крутило от голода. Полная темнота не давала расслабиться, придавливая к полу, порождая странные видения. При каждом движении в не до конца зажившую ногу будто вонзался раскаленный штырь. А еще Рэлл старательно отгоняла мысль о том, каково приходится дэрхани, что ощущает тот, чья воля безостановочно толкала ее вперед.

Ну и, конечно, где-то в глубине души было приятно свалить на кого-то ответственность... После нескольких лет непрестанного командования.

А Риш Кеар, несмотря на полфляги нигайской смеси, выпитой несколько часов назад, идти не мог. Раздробленные кости срастались плохо и медленно. Да и криво, похоже, нечем было фиксировать, Рэлл смогла только вслепую сложить прощупывавшиеся осколки...

И потому, преодолевая слабость и не обращая внимания на плывущие перед глазами алые круги, тащила эрдаэли Риша на себе. Он попытался сделать пару шагов сам, но тут же осел на камни, шипя сквозь зубы ругательства.

— И что? — спросила женщина, без сил рухнув на ступени. Дошли, даже не верится. Кажется, небольшое расстояние, а сил ушло как на полный марш-бросок. — Что дальше? Портал неактивен, настройки сбиты...

Прислушиваясь к тяжелому дыханию спутника, она мертвой хваткой вцепилась в его руку. Темнота давила слишком сильно.

— Активируем. Не такая уж это проблема... А насчет направления — случайные координаты в пределах мира. Континента, если точнее. Где угодно лучше, чем здесь.

— Не уверена. Тут тихо, темно и легко умирать. И я активировать без энергоподпитки не умею...

— Отставить разговоры! — рыкнул дэрхани. — Я сказал, умирать мы не будем. Ни здесь, ни там... Помогите мне сесть! Я, конечно, не эрд, но кое-что умею. Семья... — тут он запнулся, — своих детей хорошо учила, вот и нахватался у мастеров обрывков. Давай вверх.

Они долго сидели, опершись на шершавый столб, и Риш Кеар что-то терпеливо собирал из искрящихся батарей, проводов и мягкого пластика. Наконец раздался щелчок, тихое гудение, и под его пальцами забегали огоньки, больно резавшие по глазам.

— Ну, должно хватить, — с сомнением протянул дэрхани, отдышавшись. — Руки давай, порталыщик!

Рэлл спокойно протянула руки, и на ее запястьях зацелкнулись браслеты наручников, соединенные тонкой нитью силового кабеля.

— Зачем?

— Будем импровизировать. Это твои новые Оковы.

— Как? — недоуменно переспросила сеани.

— Работай! Просто работай.

— Да что с ними делать?

— То же, что и раньше, когда открывала порталы с Оковами Равновесия! Я разомкнул направляющий контур наручников и добавил батарею от личного щита. Должно хватить как раз на активацию. Ну же! Это энергии одного типа и порядка.

Подчинившись скорее повелительным интонациям в его голосе, чем поверив и поняв смысл сделанного, Рэлл вздернула руки вверх, касаясь столба. Нащупала клинопись, привычно потянулась к источнику силы. Сработало! Больно, неприятно, но энергия пошла в портал. Сосредоточенно следя за бегущими огоньками, Рэлл пыталась поймать хоть какие-нибудь координаты. Подошел бы даже одинарный односторонний... Капля за каплей медленно утекали силы. Ну же, континент... Она же помнит крайние значения, надо просто подгадать момент в переборе.

Главное — верить... в эрдаэли Риша Кеара.

А он продолжал говорить:

— Ты сеани. Твои Оковы были только аккумулятором силы и лишь иногда — источником. Если бы ты не была способна сама проводить и направлять энергию, подобно кое-кому из высших, сила просто сожгла бы тебя, твой разум. Так что справишься и с этой, родственной. Судя по тому, как успешно в прошлом проходили твои операции, это не должно составить большой проблемы. У сеани тоже есть свои секреты, очень жаль, что все они остались под развалинами родовых имений.

Поймав за хвост координатную сетку, Рэлл перекинула ее на контур портала, куда она направила всю до капли энергию. Между столбами засияло теплое желтое пламя,

освещающая полуобрушенную пещеру. Женщина судорожно зажмурилась, а дэрхани, крепко сжав ее за руку, рванулся вперед, в грозящее вот-вот угаснуть золотистое мерцание.

Они сидели на берегу моря, откинувшись на большой, гладкий валун. Легкий ветерок трепал короткие волосы, рассветное солнце медленно поднималось над волнами, расцветившая воду в оттенки сиреневого и алого. Соленые брызги, разлетавшиеся от разбившихся о скалы волн, порой орошали усталые лица. Сеани, склонив голову на плечо мужчины, медленно вдыхала свежий, полный ароматов воздух, до конца не веря, что у них получилось вырваться из ловушки.

Дэрхани, рассеянно обнимая спутницу, неспешно оглядывал абсолютно незнакомые места и думал, планировал, мечтал.

— И что нас ждет впереди? — тихо спросила Рэлл Рин, сеани-портальщик, скидывая обгоревшие наручники.

— Жизнь, просто жизнь, — четко и уверенно ответил бывший уже эрдаэли седьмого дивизиона Риш Кеар.

Часть первая

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ

Глава 1

БАРД

Переждав головокружение, я осторожно поднялась с земли. Пошарив руками по мягкой нежной траве, нащупала длинный посох и, облегченно выдохнув, сжала пальцы на отполированном теплом дереве. Нашла и дорожную сумку. Засунув руку внутрь, перебрала аккуратно сложенные вещи, свирель в кожаном футляре и медно позвякивающий мешочек с деньгами.

Кажется, все на месте?

И только теперь позволила себе прислушаться к окружающему миру. Вокруг шумел лес. Сейчас конец лета или ранняя осень, листва еще не начала облетать и весело шуршала под игривыми порывами теплого ветра. Птичий гомон практически оглушал, незнакомые голоса сливались в звучную какофонию.

Аккуратно встав, я задрала лицо к небу. Тепло, уже почти полдень. Солнце от души раздавало лучи, лишь на несколько мгновений прерываясь, когда на его диск набегали облака. Хм... нервы дернуло. У кого-то время обеда, но для нечестивых отдыха не предусмотрено. Надо идти. Подхватив сумку, пристроила ее на плечо и осторожно шагнула вперед. К тому же еды все равно нет.

Посох коснулся земли, нащупывая путь. Шелестнул по траве, распугивая стрекочущую мелочь, прошуршал по мягкой земле, легко стукнул о камень.

Ага, дорога... Налево или направо?

Я прислушалась. Вздохнула. Печально склонившись, поправила куртку, накинув на голову капюшон. И, в десяток шагов перейдя поляну, нырнула под густую сень смешанного леса. Еловая лапа царапнула щеку. Раздраженно выдохнув, выставила посох и, пригнувшись, заскользила между стволов и ветвей к источнику тихого раздражающего скулежа. Обреченностью своей раздражающего.

Лес же был полон запахов, тех особенных, что остаются в полдень в тени густого подлеска, по которому ночью хорошенько прошелся ливень. С порывистым ветром, пригибающим высоченные стволы к земле, рвущим с корнями неудачно выросшие молодые тополя и осинки, ломающим старых, покрытых мхом великанов.

Пахло свежей листвой, хвоей, содранной дерниной и соком из переломанных веток. Поздней малиной пахло и подгнившей древесиной.

А еще лес звучал. Как объяснить глухому мелодию, а слепому — цвет? Так и пение лесное, рождающееся у меня под ногами и продолжающееся между стволами стрекотом сорок и свистом жаворонков, беличьим щелканьем и сопением торопливо убирающегося с моей дороги молоденького кабанчика... трудно рассказать. Это надо чувствовать. Это жизнь... как я ее воспринимаю. И вполне способна двигаться с ней, когда нам по пути, не спотыкаясь.

Замерев перед раскидистой елью, растопырившей ветви вдоль земли, прислушалась. Только тяжелое дыхание и выдавало присутствие рядом затаившегося зверя. Ну где ты, глупый? Я не причиню тебе вреда. Наоборот!

Постукивая посохом по стволу, мягко двинулась по чавкающей подстилке.

Стук, стук, стук... Судорожный вздох.

Рукой нащупала ветку, придавившую зверя поперек спины. И саму спину. Мокрая спутанная шерсть и только. Крови нет.

Мощная холка, лобастая морда. Пальцы привычно обожали доступную для изучения часть зверя.

— Будем знакомы, волк. И что с тобой делать? Не повезло тебе...

Собственный голос показался чужим. Я прокашлялась. Кажется, у меня сменился тембр?

Волк промолчал, лишь едва слышно фыркнул. Ни кусаться, ни рычать не стал, хотя я присела в опасной близости от клыков. Да и ощупывала бесцеремонно.

Странный волк. Не пахнет от него дичиной и лесной сущностью. А зато ощущается слабое покалывание в кончиках пальцев, будто тоненькие иголки бегали по коже. И сам выбраться не пытался. Яростно, по-звериному, я имею в виду, а то бы поранился.

Везучий волк... иначе бы этой елью ему спину переломало. И меня бы тут не было, чтобы помочь.

Или невезучий, потому что куда как лучше, чтобы не я ему помогла. Чревато... неприятностями в будущем.

Я еще раз провела рукой по широкой спине, продумывая, как лучше его освободить. Вдохнула, перехватывая посох посередине, там, где гладкое дерево нарушала пара тонких, едва заметных кольцевых трещин. Крутнула, надавив по-особому, и после щелчка потянула в стороны. Две половинки разошлись, обнажая длинный, едва заметно изогнутый клинок, мгновенно запевший на ветерке. Острое лезвие с отчетливым взвизгом разрежало воздух, крутнулось, вздымаясь и резко падая вниз. На палец буквально не достав до ощутимо вздрогнувшего тела, врубилось в толстый ствол, прошло насквозь и впилося в мягкую землю. Разогнувшись, я вытянула лезвие, повела плечами, отерла сталь полой рубахи. Длинная рукоять лежала в ладонях как влитая.

И еще р-раз!

Шшшух!

Пинком скинув с затихшего волка обрубок ствола, отшагнула назад. Зверь поднялся, обдав меня ароматом влажной шерсти, встряхнулся, коснулся носом моей щеки, и, едва слышно стелясь по мху, скрылся в ближайших зарослях.

— Будешь должен, — буркнула я, разворачиваясь и пытаясь сообразить, в какой стороне находится оставленная мной дорога.

В орешнике коротко, но прочувствованно взвыл спасенный, давая понять, что не согласен с такой точкой зрения.

Запоздало осознав подлинные размеры этой... этой... присела на вырубленный пенек, пережидая приступ слабости. Это явно не волк!

Кто в здешних лесах еще водится?

С шелестом загнав клинок в ножны, поднялась.

Ответ, всплывший в памяти, мне не понравился. В лесах Эннирии, вотчине темного бога Азура, водятся оборотни. А то, что от всей страны осталось одно небольшое герцогство, не утешало. Оборотни-то никуда не делись!

Неторопливо двинулась обратно, обрывая с кустов какие-то терпкие ягоды. Кисловатый вкус на диво хорошо освежал, и из леса я вышла, покачивая в горсти целую кучку мелких, распространяющих вокруг лимонный запах пушистых шариков. На плече висела дорожная сумка, посох упрямо задевал все подряд ветки, так что вид у меня, не способной увернуться от лезущих в лицо вьюнов и цепляющихся за волосы колючек, был, верно, весьма растрепанный.

Скинув куртку, присела на обочину, выжидая. Рукой, касающейся утоптанной поверхности, уловила легкую дрожь земли. Перебирая пальцами мелкие камешки, выделяла в невнятном шуме стук копыт, звяканье богатой, украшенной серебром сбруи, бряцанье оружия, тихие разговоры.

Скоро путники вывернут из-за поворота.

Вытащив свирель, погладила согревшиеся тростниковые дудки. Смолистая пропитка духовито пахла домашним уютом и спокойной уверенностью. Моя неизменно верная спутница всегда способна поднять настроение.

Сыграем?

Что-нибудь веселое... И по тракту вперед и назад понесся бодрый проигрыш простенького дорожного марша, ус-

лышанного когда-то давно, когда я сопровождала незримой тенью обреченную армию в походе в никуда. «Семисолька» слушалась безупречно, все громче и громче вздымая голос, насколько мне хватило дыхания. В быстром, резком и переливчатом звучании слышалось бесконечное желание выжить и победить. Выжить ради справедливости, победить ради мира. У тех — получилось...

И завершила особо сложный пассаж пронзительной трелью, на которую буквально напоролась появившиеся из-за поворота всадники.

Ну наконец-то! Я уж заждалась.

Вежливо улыбнувшись, развернулась лицом в их сторону, прекращая играть. Размяла слегка занывшие пальцы, изрядно уставшие от беготни по дырочкам свирели.

Утомленные кони, безжалостно взбодренные шпорами, зачастили по поляне, рассыпаясь охранным кругом. Еще двое всадников неспешно приблизились. Вжикнул, опускаясь рядом со мной, кнут. Ладонь вскинулась, поймав кончик. Резко дернув, под удивленное аханье заставила выпустить рукоять. Та, описав полукруг, упала где-то в кустах.

Теперь уже вжикнула сталь. Отведя от лица острие, хмыкнула.

— Ты кто? — Ломкий, нервный молодой голос. Юноша старательно пытался не дать испуганного петуха, судорожно терзая звякающие медными звеньями поводья.

— Солья, бард, — представилась привычно, глядя куда-то в пространство.

— И что ты здесь делаешь? — Еще один голос, сиплый и усталый. Мужчина, наверное, лет пятидесяти, подъехал ближе, облегченно убирая меч в ножны.

— Жду попутчиков.

— И давно? — Старший подозрителен.

— Не особенно. — Пожав плечами, развернулась в сторону младшего, который объезжал меня стороной, будто редкую опасную зверушку.

— До каких же мест тебе нужны попутчики, бард?

— Я иду в Азурок. — Отслеживая движения младшего, совсем отвернулась от того, с кем разговаривала.

— Мы тоже, — с сомнением протянул тот.

— Но... — Это младший.

Все прочие почтительно молчали, а парочка наверняка держала меня на прицеле. Еще в начале разговора мне слышался тихий скрип натягиваемой тетивы легких арбалетов.

— Бардам не принято отказывать, Артир, — заметил мужчина. — Не окажете ли честь присоединиться к нашей компании?

— Окажу, — улыбнулась я широко и, надеюсь, безмятежно. Поднялась, подхватывая сумку и посох. — Благодарю.

Чуть отшатнулась, когда в лицо дохнуло конским потом. Фыркнув, лошадь склонила голову мне на плечо. Недовольно сопящий юноша протянул руку, предлагая взобраться в седло. Спереди? Нет уж.

Кончиками пальцев провела по лошадиной шкуре.

Гладкая шерсть, литые мышцы, перекатывающиеся под кожей, излучающей почти обжигающий жар. Живое существо, сильное и верное.

А юноша, Артир, которого я мимоходом коснулась, — тонкий и легкий, почти мальчишка, в богатом камзоле, расшитом сложным узором, но мятом и пыльным. От ткани пахло дымом костра и долгой дорогой. Он растерян и немного зол. А еще испуган, как бывают испуганы те, кого практически лишили надежды. Ему кажется, что он обречен, но все равно приходится двигаться по выбранной дороге, потому что свернуть-то уже некуда... Высокий голос то и дело срывался. Его мальчишеское высокомерие, высокомерие получившего от рождения все, включая происхождение и наследство, стремительно истаивало под гнетом страха перед реальностью.

Да и во всех остальных чувствовался какой-то надлом. Будто действуют они по инерции, как куклы, у которых вот-вот кончится завод.

Я вновь достала свирель.

Ночь застала нас все еще в лесу. Расположившись на обочине, путники жгли костер, от котелка со взваром тянулся ароматный дымок, смешиваясь с запахами леса, в сумерках сменившими тональность. Я сидела на границе трепещущего от ветра круга тепла и вслушивалась в тихие разговоры.

Изгнанники, сумевшие вернуться от цепкой хватки войны, прошедшей с благословения Света огнем и мечом по их землям, надеялись найти убежище в Азуроке. Хотя бы временное, но... У Артира не сложились отношения с его владельцем. Но сейчас юноша был готов умолять, забыв свое прежнее пренебрежительное высокомерие.

Обычное дело между родственниками — младший не желает слушать советов старшего. Особенно если младший выше по положению. И умнее.

Я печально улыбнулась.

Насколько же все они в отчаянии, если хватаются за старое поверье? Бардам не отказывают. Почему? Потому что они принадлежат не Свету или Тьме, но Сумеркам, и порой даже боги, нет, не боятся их, но учитывают их желания. Барду и его спутникам дадут приют...

Пальцы машинально сплетали в косичку выдернутые из земли травинки, пачкаясь в липком соке. Выпавшая роса добавляла свежести в терпкий аромат свежесорванной зелени. В подлеске росла малина, а в колючих спутанных кустах, кажется, засел матерый лис. Любопытный зверь затаился, изучая вторгшихся на его территорию гостей. Я переливчато свистнула. Едва уловимый шелест спустя пару мгновений подсказал, что лис, оставив мускусную метку на ближайшей сосне, неспешно удалился.

Тихо подошел Ивер, старший в этой компании, протянул кружку. Обернувшись на хруст веток под его ногами, я привстала, пробежала пальцами по протянутой руке, перехватила горячую кружку:

— Благодарю.

— Если желаете, ужин готов.

Отрицательно качнула головой.

— Ну что ж... — Ивер присел рядом, устало вздохнул и ссутулился. — Я заметил, что у вас нет припасов...

— Предпочитаю путешествовать налегке.

Еще одна партия выщипанных травинок сплелась в косячку. Подобрав ноги, я свернулась калачиком, устроив подбородок на коленях.

— Это чревато возможностью остаться голодной. — Шорох одежды, тихий хруст бумаги, звяканье железа. — Берите.

Приняв кусок лепешки, украшенный сверху, судя по запаху, чем-то копченым, я хмыкнула:

— Боги не оставят голодной свою верную слугу...

— Хм, а по виду не скажешь.

Ивер еще находит в себе силы шутить. Но я и вправду худа и тоща, как хворостина, и так же гибка порой и прочна. Много кто пытался меня сломать, да получали с оттяжкой по рукам.

Ночью я долго лежала без сна, слушая лес. Он шептал, накрывая вуалью звуков стоянку. В отдалении подвывал волк, зовя волчицу, совы перекрикивались, выскивая заблудшую мелочь, щелкали и пищали мыши, ночной соловей надрывался, перекрикивая токующего на пустом стволе глухаря. Ну... может, и не глухаря. Мало ли какие здесь птицы под звездами просыпаются.

Тонкий аромат вечерницы выплывал на дорогу, смывая с нее пыльные и душиные следы людей, хищники таились в буреломах и крались среди зарослей. Жизнь продолжалась, просто чуть сменился ее ритм... Под биение сердца ночного леса я и уснула.

В полдень следующего дня моя звонкая мелодия наконец-то растеклась по широкому лугу, от границы леса и далее, запуталась среди скалистых отрогов низких, похожих на хребет дракона гор. И вернулась приглушенной, отразившись от высоких каменных стен, рисуя передо мной картину.

Приземистые толстые башни, островерхие крыши, зубчатые покатые навесы, узкие амбразуры. Пахло жильем и свежей родниковой водой. Где-то поблизости журчал ручей, стремительным потоком виляющий среди кочек.

Я спешилась, шурша посохом по густой траве, неспешно направилась к замку.

Азурок... последний оплот Тьмы в этих краях. За спиной среди спутников расслышала нотки оживления. И надежды если не на безопасный приют, то хотя бы на короткую передышку для изгнанников и беглецов. А кем еще эти люди могут быть? Ведь их Эннирия проиграла войну Свету. И мир начал медленно скатываться к гибели.

Впрочем, о чем это я...

Артир за моей спиной прищпорил коня, тот, недовольно фыркнув, двинулся по тропе. Следом потянулись спутники юноши. Доехали до рва, послышался предсказуемо резкий приказ, который никто не поспешил исполнить. Зато посыпались насмешки... Я неспешно двинулась через луг, вслушиваясь в яростную ругань юноши, мечущегося вдоль рва, и в возмущенный гомон его людей. Среди их голосов как-то терялось урезонивающее бурчание Ивера. Все же он был среди моих спутников самый старший и потому, к сожалению, единственный разумный человек. А мальчишки просто не умеют умолять, хотя и смиряются с необходимостью этого.

Подойдя к самому краю рва, я присела на траву. Свесив ноги к воде, принялась привычно выдирать и сплетать травинки. Осыпающаяся с края земля с плеском уходила в воду. Снизу тянуло тиной и подгнившим деревом. Короткая мелкая волна билась о берег и о деревянные опоры, на которые ложился откидной мост.

От стен исходил промозглый холодок, а на высоте среди зубцов крепостной стены раздавались мерные шаги и... да, тихие смешки.

Высокородный мальчишка наконец перестал раздраженно гарцевать у переправы и принялся при поддержке Ивера наводить порядок среди своих спутников. Те при-

смирели, кто-то перестал грозить всеми немислимыми божественными карами, кто-то занялся оружием. Совсем юный арбалетчик с тяжелым вздохом спешился и рухнул на траву. Достал из кармана точило и принялся водить лезвием кинжала по пропахшему маслом бруску.

Меланхолично покачав головой, я вздохнула. Все путешественники просто-напросто сильно устали. Бежать из горящей столицы, пробираться через полстраны в темные леса, спасая наследника, и попасть под град насмешек тех, у кого собирались просить убежища. Картинно раскинула руки, задирая голову к верхней надвратной башне. Именно там собрались веселящиеся люди. Стражники?

— Неужели владетель Азурока столь мелочен, что откажет в убежище обездоленным?

Голос взвился ввысь, отражаясь от стен, множась и расслаиваясь, заглушая хохмачей и шелест ветра, ввинтился в небо спиралью. Где-то наверху поперхнулся смешком кольчужный воин.

— Его нет сейчас в замке, — донеслось от ворот.

— Так впустите нас, мыждемся его решения внутри... или все же придется раскинуть лагерь у ваших ворот?

Бард способен докричаться до бога, что уж о кастеляне говорить. Наверху поднялась суета, прерванная парой резких четких приказов, торопливым топотом, недовольным рыком сторожевого пса, которому отдавили хвост...

Скрипнули высвобождаемыми стопорами барабаны, медленно отпуская лязгающие железом цепи. Хорошо смазанный механизм решетки пришел в движение со звучным гулким бряцаньем, хрустнул, опускаясь на землю, деревянный настил.

Первый всадник, спешившись, осторожно ступил на мост. Дробно застучали копыта, когда усталая вереница пропыленных путников потянулась под низкие гулкие своды, хранящие зябкую прохладу даже в самый жаркий день. Я шла последней, ведя кончиками пальцев по шершавому камню стен. Пахло отсыревшей известью и железом. Шуршала под ногами мелкая песчаная крошка, впереди слы-

шался гомон толпы. А под аркой из кованого металла, за которую я зацепилась рукой, тело обдало колючим ветерком. Магическим. Поежившись, шагнула вперед, продавливая тонкую мембрану. Божественная защита поддалась настойчивой уверенности. Да, я не принадлежу этому темному, но имею право войти. Меня пригласили. Еще шаг, едва слышный щелчок над головой... За спиной опустилась, звонко выбив искру из гранитной плиты, решетка.

Спину обдало холодком. Ловушка... это ловушка. Для немногих выживших последователей Азура и самого бога.

Зачем я здесь?

Впрочем, ловушка была вполне комфортна. Но сидеть среди гобеленов, пропахших пылью и мятой, прислушиваясь к мышинному шороху по углам и к отдаленным голосам хозяев замка, бессмысленно. Оставив Ивера, Артира и прочих уныло располагаться на узких скамьях, я вышла прочь. По дымному коридору, касаясь стоек круглосуточно чадящих ламп, на звук лязгающих где-то клинков. Поворот, еще поворот, мимо двери, откуда отчетливо доносится кухонный аромат и где громыхают медью котлы. Окно, затянутое решеткой, в перекрестьях которой мелодично посвистывает ветер, играя подвешенными амулетами. Перышки на них тихонько шуршат... Посох постукивает по потертым коврам.

Выйдя во двор, я свернула за угол донжона и прислушалась. Звон клинков стал отчетливее, как и резкие покрякивания. Сиплый глухой голос, через слово поминая богов и демонов, раз за разом заставлял кого-то отрабатывать простейшие приемы. С интересом вникнув в неровный ритм ударов и тяжелое дыхание учеников, признала, что сиплый в чем-то прав. Умения здесь не хватает...

Атака, защита, снова атака... ритм сбился, тяжелый топот десятков ног почти заглушил мягкие шаги. Мужчина, хмыкнув, остановился в пальце от коснувшегося земли посоха.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ	24
Часть вторая. ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ	118
Часть третья. МОЗАИКА ДУШИ	228
Часть четвертая. КОНЮШИЙ	280
<i>Эпилог</i>	309